

Раскин Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация / Д. И. Раскин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 410—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422.

Raskin, D. I. (2021). Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19th — Early 20th Centuries : Education and Professional Qualifications. *Nauchnyi dialog*, 4: 410-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422

Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация

Раскин Давид Иосифович

orcid.org/0000-0001-7421-7809

ResearcherID G-6569-2015

Author ScopusID 57200614569

доктор исторических наук, профессор
кафедры источниковедения
истории России, Институт истории
d.raskin@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19th — Early 20th Centuries: Education and Professional Qualifications

David I. Raskin

orcid.org/0000-0001-7421-7809

ResearcherID G-6569-2015

Author ScopusID 57200614569

Doctor of History, Professor,
Department of Source Study
of Russian History, Institute of History
d.raskin@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Раскин Д. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о роли образования и профессиональной квалификации в формировании высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века. Особое внимание уделяется наличию специального (профильного) образования у министров и директоров департаментов основных гражданских ведомств. Анализируется связь между попыткой дифференциации требований к образовательному цензу чиновников в зависимости от рода службы в начале XIX века, с одной стороны, и проектами отмены гражданских чинов, с другой. Представлены результаты сопоставительного анализа сведений об образовании и служебном опыте представителей высшей бюрократии различных ведомств. Особое внимание уделяется медицинскому и «техническим» ведомствам, руководство которыми требовало специальной квалификации. Показано, что юридическое образование стало считаться профильной квалификацией не только для судебной, но и для административной службы. Приведены возрастные характеристики российских министров на момент занятия ими министерских постов. Доказано, что проблема повышения образовательного уровня российских чиновничества была для высшего и среднего уровня российской бюрократии в основном решена к концу XIX — началу XX века, но проблема профессиональной квалификации по-прежнему существовала, хотя на пути ее разрешения были сделаны значительные шаги.

Ключевые слова:

бюрократия; образование; профессиональная квалификация; служебный опыт; юридическое образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the role of education and professional qualifications in the establishment of the highest bureaucratic elite in the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries is considered in the article. Particular attention is paid to the availability of special (profile) education for ministers and department directors of the main civilian departments. The connection between the attempt to differentiate the requirements for the educational qualification of officials depending on the type of service at the beginning of the 19th century, on the one hand, and projects to abolish civil ranks, on the other are analyzed. The results of a comparative analysis of information about education and service experience of representatives of the highest bureaucracy of various departments are presented. Special attention is paid to medical and “technical” departments, the leadership of which required special qualifications. It is shown that legal education has come to be considered a profile qualification not only for the judicial, but also for the administrative service. The age characteristics of Russian ministers at the time of their occupation of ministerial posts are given. It has been proved that the problem of raising the educational level of the Russian bureaucracy was largely solved for the upper and middle level of the Russian bureaucracy by the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, but the problem of professional qualifications still existed, although significant steps were taken to resolve it.

Key words:

bureaucracy; education; professional qualifications; work experience; legal education.

УДК 342.531(470+571)+94(47)

Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация

© Раскин Д. И., 2021

1. Образование

Вопрос об образовательном цензе для поступления на государственную службу и для производства в чины занимал в течение XIX — начала XX веков значительное место. Еще в указе «Об устройстве училищ» от 24 января 1803 года декларировалась необходимость окончания учебного заведения для назначения на гражданскую должность, требующую юридической или иной квалификации [ПСЗРИ, т. 27, № 20597]. Указ от 6 августа 1809 года вводил образовательный ценз для производства в чины 8-го и 5-го классов. Действие этого указа постепенно ограничивалось как узаконенными исключениями из норм указа, так и фактическим неприменением этих норм [Зайончковский, 1978, с. 32—33]. Окончательно указ был отменен «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года [2ПСЗРИ, т. 9, № 7224], сохранявшим, тем не менее, преимущества при поступлении на службу и производстве в следующий чин для лиц с высшим и средним образованием. Указ от 9 декабря 1856 года сохранял для этих лиц преимущества при поступлении на службу, но отменял их при производстве в следующие чины [2ПСЗРИ, т. 31, № 31237]. И, наконец, высочайше утвержденное 5 октября 1906 года положение Совета министров устанавливало различные сроки производства в первый классный чин для лиц со средним образованием и лиц, не имевших среднего образования [3ПСЗРИ, т. 26, № 28393].

Повышение общего образовательного уровня российского чиновничества, в том числе его высшего звена, шло параллельно с развитием системы учебных заведений. В 1826 году из 46 членов Государственного совета (то есть высших сановников в царствование Александра I) 6 окончили кадетские корпуса, 20 получили домашнее воспитание и с детства числились на военной службе, 1 после домашнего обучения с юности служил в Сенате, 12 учились за границей, 1 — в частном пансионе в Петербурге, 1 окончил духовную семинарию и лишь 1 — Московский университет [Раскин, 2019, с. 647—648]. А в 1913 году 149 из 182 членов Государственного совета имели высшее образование, в том числе 136 — гражданское, 13 — военное. 20 имели ученые степени и звания. И только

37 получили лишь среднее образование, в том числе 26 — военное [Россия ..., 1995, с 236—237].

Разумеется, в низшем и среднем звене образовательный ценз был ниже. В период с 1841 по 1859 годы высшее образование было всего у 3,2 % чиновников, среднее — у 11,3 %, а низшее — у 85,5 %. Из чиновников, поступивших на службу с 1 ноября 1894 года по 1 августа 1895 года, 32 % имели высшее образование, 15 % — среднее, а 52,5 % — не выше курса уездных училищ, причем из числа последних 8,1 % не имели вообще никакого образования [Зайончковский, 1978, с. 33, 52].

Но формальный образовательный ценз еще не решал проблемы специальной квалификации, необходимой для успешного руководства отдельными отраслями государственного управления.

2. Профессиональное образование в проектах реформы гражданской службы

Одним из аргументов в критике указа 6 августа 1809 года служило как раз несоответствие требуемых знаний специфике службы, на что указывал А. Н. Карамзин, считавший, например, абсурдным требование от председателя судебной палаты знания античной классики, от сенатского чиновника — физики, а от вице-губернатора — основ математики [Зайончковский, 1978, с. 32]. Заметим, однако, что в своей полемике с указом Карамзин упускал из виду (или сознательно не учитывал), что эти знания составляли необходимую часть среднего образования, наличие которого для всех перечисленных им должностей было все-таки желательным.

Уже в 1812 году Александр I, рассмотрев журнал Комитета министров «об образе производства горных чиновников» и мнение государственного контролера (бар. Б. Б. Кампенгаузена), повелел, чтобы «Комитет министров, сообразя сделанные уже изъятия из сих правил по разным ведомствам и приняв во внимание содержащиеся в мнении государственного контролера предположения, равно как и все случаи, которые бы подобного изъятия требовали, составил общее по всем частям постановление: для какого рода службы каких именно наук познание нужно, дабы определив то, подвергать при производстве в чины экзамену с сим сообразному» [РГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 16, л. 350—430]. Разработку вопроса поручили комитету из министров народного просвещения, юстиции и внутренних дел, составившему проект общего положения об испытании гражданских чиновников в науках при производстве их в чины. Этот проект был в 1823 году вынесен на рассмотрение Государственного совета. Проект рассматривался также в Комиссии составления законов. Предполагалось, что «никто без испытания не может первоначально вступить в службу по гражданской ча-

сти, какого бы она свойства ни была. Испытания сии, по коим требуется много различных сведений, для каждого места служения в особенности определяемых, полагается производить дважды: в первый раз в ученых познаниях; а во второй в предметах собственно до службы относящихся» [Там же]. Науки разделялись на общие (грамматика, история, география, арифметика, начальные основания геометрии, физики и законоведения) и частные. В проекте утверждалось, что общие науки необходимы для каждого чиновника, а частные включали сведения, специально необходимые для той или иной должности. Государственная служба должна была разделяться на три главные части (судную, правительственную и дипломатическую) и на три отделения (медицинскую, художественную и ученую), причем для каждой службы должны были быть установлены особые науки или познания. Предполагалось также затруднить способ к переходу из одной части государственной службы в другую [Там же]. Но одновременно вносились предложения связать названия чинов с должностями в существующих учреждениях [Раскин, 2020, с. 2488]. Есть основания предполагать, что именно связь вопроса о разделении государственной службы и, соответственно, требующихся для нее наук на категории с вопросом о реформировании (или даже отмене) Табели о рангах привела к тому, что этот проект (одобренный Александром I), не получил дальнейшего хода.

Ни в одном из дальнейших проектов реформы государственной службы и отмены гражданских чинов тема специального образования не затрагивалась [Зайончковский, 1978; Дубенцов, 1976; Шепелев, 2007].

3. Профессиональное образование в специальных ведомствах

По мере распространения профессионального образования формировалась и особая организация отдельных служб, большинство из которых были военизированы [Шепелев, 1999, с. 164—165]. В этих службах стала играть заметную роль профессиональная квалификация.

Наиболее очевидно необходимость профессионального образования проявилась в службе по медицинскому ведомству. Уже со времени появления в России медицинской службы от медиков требовалось специальное образование. Оно признавалось обязательным и для занятия руководящих должностей в медицинском ведомстве. 14 марта 1812 года была учреждена должность генерал-штаб-доктора гражданской части, по умолчанию (в указе это не комментировалось) принадлежащая профессиональному медику [ПСЗРИ, т. 32, № 25037]. Если первоначально председатель Медицинского совета мог быть из числа гражданских чиновников, например, А. У. Болотников [РБС, т. 3, с. 177—179], то с 8 января 1842 года он назначался только из числа врачей, обладавших признанной профессиональ-

ной репутацией [ВЦУР2, с. 16—17]. Начиная с 1836 года (когда должность директора Медицинского департамента была соединенной с должностью генерал-штаб-доктора гражданской части) во главе департамента находились лица, имеющие медицинское ученое звание. При преобразовании в 1904 году Департамента в Управление главного врачебного инспектора последний назначался из числа докторов медицины [ВЦУР2, с. 33—34, 61]. Этот же порядок предусматривался и в проекте создания Главного управления государственного здравоохранения [Раскин, 2006, с. 149—154].

Другой областью, служба в которой требовала специального образования, было горное ведомство. 9 марта 1826 года был установлен порядок замещения всех должностей по горному ведомству выпускниками Горного кадетского корпуса [2ПСЗРИ, т. 2, № 184]. С 1 января 1834 года по 1 июня 1867 года существовал военизированный Корпус горных инженеров [2ПСЗРИ, т. 9. № 6685; т. 42, № 44649]. Почти все руководители Горного департамента (Департамента горных и соляных дел) имели специальное горное образование. Исключение из 21 директора составляли 4: имевший домашнее образование и большой опыт горной службы сын штейгера Г. С. Качка (1807—1811), окончивший Московский университет и имевший многообразный административный опыт Е. В. Карнеев (1824—1837), начавший службу в горном ведомстве с 15 лет сын горного инженера И. А. Фуллон (1849—1855) и не имевший специального образования Ф. И. Раселли (1875—1881). Характерно, что, хотя по положению председателем Горного ученого комитета являлся директор Горного департамента, на должность председателя этого комитета вместо Ф. И. Раселли был назначен горный инженер А. А. Иосса [Лоранский, 1900, с. 60—105].

Последовательно принцип необходимости специального образования проводился в лесной службе.

С 19 июля 1826 года губернские и старшие лесничие должны были назначаться главным образом из лиц, знавших основы лесного дела, а ученые лесничие и землемеры лесных отделений — из числа воспитанников Лесного института, причем последние получали право на дальнейшее служебное повышение [2ПСЗРИ, т. 1, № 415]. 30 января 1839 года был образован военизированный Корпус лесничих, с 1869 года переведенный в гражданское ведомство, но просуществовавший в подчинении Лесного департамента вплоть до 1918 года [2ПСЗРИ, т. 14, № 11978; т. 42, № 44897].

Однако во главе Лесного департамента стояли, за редким исключением (И. Г. Войнюков, П. А. Кампиони), лица, не имевшие специального лесного образования [ВЦУР3, с. 84—85].

Менее выражена была специализация в ведомстве путей сообщения. В 1809 году был создан военизированный Корпус инженеров путей со-

общения, с 1867 года получивший гражданское устройство [ПСЗРИ, т. 30, № 23996; 2ПСЗРИ, т. 42, № 44897]. Соответственно, все инженерные должности по ведомству занимали инженеры путей сообщения.

Но во главе ведомства стояли далеко не всегда инженеры, например, К. Ф. Толь, А. А. Клейнмихель, К. В. Чевкин, гр. В. А. Бобринский, гр. А. П. Бобринский, К. Н. Посыет, А. Я. Гюббенет, С. Ю. Витте, А. К. Кривошеин, С. В. Рухлов, А. Ф. Трепов [Министерская система ..., с. 469—470]. Во главе Департамента железных дорог (1842—1899) находились в основном инженеры, хотя среди них был и А. Е. Аверкиев, поступивший на службу в 14 лет, будучи едва грамотным, но за долгие годы приобретший большой бюрократический опыт [РБС, т. 1, с. 33]. Главным инспектором частных железных дорог (1858—1870) был бар. А. И. Дельвиг, инженер-путеец по образованию. Департамент сухопутных сообщений (1865—1870) возглавляли профессор гражданской архитектуры В. Д. Евреинов (1865—1869), а затем выпускник Института инженеров путей сообщения Ф. Ф. Масальский. Среди 6 директоров Департамента шоссежных и водяных сообщений (1870—1899) были в основном инженеры путей сообщения, но среди них также двое военных: гр. Н. П. Клейнмихель (1872—1876) и А. Н. Столпак (1893—1895). Во главе Управления казенных железных дорог (1881—1889) и Управления железных дорог (1889—1917), а также Управления по сооружению железных дорог (1899—1922) и Управления шоссежных дорог (1916—1918) находились только инженеры, в основном путей сообщения [ВЦУР, с. 25, 28, 31, 33, 36, 43, 46]. В целом в руководящем составе МПС преобладали инженеры путей сообщения, образовавшие своего рода привилегированную касту. По словам С. Ю. Витте, министр путей сообщения относился к этой касте резко отрицательно [Витте, 2003, с. 85].

После реформы 1864 года признаками специальной службы стала обладать также служба по судебному ведомству. Если ранее на должность уездного судьи мог быть выбран любой отставной корнет, а сенатором стать бывший губернатор или генерал, то в новых судах потребовались профессиональные юристы.

К тому времени в России сложилась система юридического образования: Училище правоведения (с 1835 года), Александровский лицей (эволюционировавший в сторону высшего юридического учебного заведения) и юридические факультеты университетов.

Учреждение судебных установлений 1864 года предусматривало занятие судебных должностей дипломированными юристами. Назначение на судебные и прокурорские должности было обусловлено также обязательным стажем судебной практики. Для выпускников высших учебных заведений по юридической специальности вводился институт кандидатов

на судебные должности. Эти нормы сохранялись и во всех последующих изданиях Свода законов [Свод законов, т. 15, 1864, ст. 202—211, 407]. Таким образом, создалась корпорация служащих по судебному ведомству — от низших должностей до сенаторов кассационных департаментов Сената.

Начиная с гр. В. Н. Панина (1839—1862) все министры юстиции имели высшее образование и соответствовали критерию либо юридического диплома, либо судебной практики, а чаще и тому, и другому [Министерская система ..., 2005, с. 225—233].

Эти критерии стали распространяться и на руководителей Департамента полиции. Высшее юридическое образование (включая Александровский лицей и Александровскую военно-юридическую академию) имели 18 директоров этого департамента. Большинство из них занимали ранее прокурорские и судебные должности. Исключение составляли лишь имеющие военное образование и опыт жандармской службы Н. И. Петров (1893—1895) и Е. К. Климович (1916) [ВЦУР2, с. 74—75]. Таким образом, высшее руководство полиции было включено в юридическую корпорацию.

Имеющееся мнение о преобладании в бюрократической элите начала XX века гуманитариев (в большинстве юристов), что отрицательно сказывалось на ее способности управлять экономикой [Куликов, 2001; Куликов, 2003, с. 69; Куликов, 2004, с. 13], нуждается в корректировке. Во-первых, за 1894—1917 годы среди министров на 20 выпускников юридических факультетов, 5 выпускников Училища правоведения и 9 — Александровского лицея приходилось лишь 3 выпускника историко-филологических факультетов (причем Г. Э. Зенгер и А. Н. Шварц занимали «профильный» пост министра народного просвещения, и лишь Н. А. Маклаков — непрофильную должность министра внутренних дел), а также 5 — физико-математических и 1 медицинского факультетов. При этом во главе специальных ведомств находились в основном лица с профильным (техническим) образованием. Во-вторых, юридическое образование являлось профильным для административных должностей (как в начале XX века, так и поныне). И, наконец, преобладание юридического образования на высших ступенях государственной службы отражало эволюцию государственного строя Российской империи в направлении правового государства.

Аналогичные явления наблюдались и в таких приближенных к российской системе государственной службы, как прусская и австро-венгерская [Бисмарк, 1940, с. 4—10; Heindl, 2013, s. 29, 39, 96, 259, 264, 269, 296].

4. Служебный опыт

В формировании корпуса высших чиновников значительную роль играл фактор служебного опыта.

Специальное экономическое образование в дореволюционной России практически отсутствовало. Экономическая наука преподавалась на юридических факультетах. Но во главе финансового ведомства (а затем и Министерства торговли и промышленности) стояли лица, получившие если не специальное образование, то специфический опыт службы, требовавшей экономических познаний.

У одних назначению на этот пост предшествовал опыт службы по финансовой части (А. И. Васильев, Ф. А. Голубцов, Д. А. Гурьев, Ф. П. Вронченко, П. Ф. Брок, А. М. Княжевич, Э. Д. Плеске, В. И. Тимирязев, М. М. Федоров, С. И. Тимашев, кн. В. Н. Шаховской), у других — также опыт хозяйственной деятельности, предпринимательства (Е. Ф. Канкрин, А. А. Абаза, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте) [Министерская система ..., 2005, с. 370—385]. По крайней мере два министра финансов были известными учеными (Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский), не имевшими традиционного чиновничьего бэкграунда [Ананьич, 2002, с. 13].

Большинство из руководителей центральных учреждений Министерства финансов имели опыт службы в учреждениях Министерства финансов, а к началу XX века и в коммерческих организациях. При этом многие из них служили также по ведомствам МВД, Министерства юстиции, Министерства государственных имуществ, Государственного контроля, а также по межевой части.

В конце XIX — начале XX веков служебный опыт высших сановников все чаще стал включать также службу по выборам — в качестве председателя дворянства, а также в земстве. Можно назвать И. Н. Дурново, кн. Б. А. Васильчикова, Н. А. Наумова, гр. А. А. Бобринского. Особенно часто это наблюдалось в Министерстве земледелия [Министерская система ..., 2005, с. 157—158, 547—550, 554, 556—558].

Наличие длительного служебного опыта было необходимым условием назначения на высшие государственные должности.

Средний возраст российского министра при назначении на должность составлял около 51 года, в том числе при Николае I — 51,7, при Александре II — 45,6, при Александре III — 46,2, при Николае II — 60 лет. По ведомствам он составлял: в МВД — 52,2, в Министерстве юстиции — 49,6, в Министерстве финансов — 52,7, в Министерстве торговли и промышленности — 49, в Министерстве государственных имуществ (Министерстве земледелия и государственных имуществ, Главном управлении землеустройства и земледелия, Министерстве земледелия) — 51, в Министерстве путей сообщения (Главном управлении путей сообщения и публичных зданий) — 54,4, Министерстве народного просвещения — 56,1 и в МИД — 59,4 года. Это предполагало как минимум 30-летний опыт

службы [Министерская система ..., 2005, с. 145—168, 222—233, 313—325, 370—385, 453—470, 542—559, 679—683, 791—809].

5. Заключение

Введение образовательного ценза для чиновников гражданской службы в начале XIX века было объективной потребностью государственного аппарата Российской империи. В результате к концу XIX — началу XX веков общеобразовательный уровень российского чиновничества значительно повысился, особенно на средней и высшей ступени.

Но попытка дифференциации образовательной подготовки чиновников для различных родов службы (необходимость которой была одним из аргументов критики указа 6 августа 1809 года) так и не была законодательно оформлена для большинства ведомств. Исключение составили специальные виды службы (медицинская, горная, лесная, путевская), причем для этих видов службы долгое время существовала военизированная организация. В то же время существенную роль при назначении на руководящие должности играл служебный опыт по соответствующему ведомству. Но низкие требования к наличию управленческой специализации [Ерошкин, 1981, с. 66—67; Raeff, 1957, р. 82—83] были характерны скорее для дореформенного времени. В дальнейшем требования к ней приобрели определенность, причем в большей степени на низшем и среднем, чем на высшем уровне. Универсальной квалификацией, в особенности для руководящих должностей в административно-полицейских органах и, конечно, для пореформенного судебного ведомства, стало высшее юридическое образование.

В начале XX века имели место также «политические» назначения на министерские посты, связанные с партийной принадлежностью кандидатов или их депутатством в Государственной думе, а не с их предшествующим административным опытом. Такие назначения характерны для парламентских монархий. Но в России они были скорее исключением из общего правила, хотя само появление таких назначений свидетельствовало об эволюции российской монархии в сторону парламентаризма.

Ни одно из таких назначений (например, С. В. Рухлова, Н. А. Маклакова, А. Д. Самарина, А. Н. Хвостова и особенно А. Д. Протопопова) нельзя признать особенно удачным.

В целом эволюция системы формирования высшей бюрократии в Российской империи к 1917 году осталась незавершенной.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦУР2 — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 : в 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 260 с.

2. ВЦУРЗ — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 : в 4 т. Т. 3. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 228 с.
3. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1—45. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1843.
4. 2ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1—55. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1884.
5. 3ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1—33. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1885—1917.
6. РГИА — *Российской* государственный исторически архив. Ф. 1159. Фонд : Мемории общего собрания и департаментов (коллекция).
7. РБС — *Русский* биографический словарь : в 25 т. Т. 1. Аарон — Император Александр II / ред. А. А. Половцов. — Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1896. — 894 с.
8. *Россия* : 1913 год : статистико-документальный справочник. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1995. — 415 с.
9. *Свод* законов Российской Империи : в XV т. Т. XV. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1864.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьич Б. В.* Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX — начале XX веков : к истории развития производительных сил / Б. В. Ананьич // *Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов* : материалы Международного научного colloquium. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 13—25.
2. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания : в 3 т. Т. 1 / О. Бисмарк ; пер. проф. Л. С. Ерусалимского. — Москва : Соцэргиз, 1940. — 334 с.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1 / С. Ю. Витте. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 522 с.
4. *Дубенцов Б. Б.* Попытки преобразования государственной службы в России в конце XIX в. / Б. Б. Дубенцов // *Проблемы отечественной истории* : сб. статей. Ч. 1. — Москва-Ленинград, 1976. — С. 202—227.
5. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. — Москва : Мысль, 1981. — 252 с.
6. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 299 с.
7. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917) / С. В. Куликов. — Рязань, 2004. — 472 с.
8. *Куликов С. В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений / С. В. Куликов // *Власть и наука, Ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов* : материалы Международного научного colloquium. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 54—71.
9. *Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России. 1700—1900 / А. М. Лоранский. — Санкт-Петербург, 1900. — 207 с.
10. *Министерская* система в Российской империи : к двухсотлетию министерств в России / гл. ред. В. П. Козлов. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 978 с.

11. Раскин Д. И. Несостоявшаяся реформа управления здравоохранением в России / Д. И. Раскин // Вопросы истории. — 2006. — № 4. — С. 149—154.
12. Раскин Д. И. Николай I и Государственный совет: первые шаги / Д. И. Раскин // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2019 — Т. 52, № 2. — С. 645—654. — DOI: 10.13187/bg.2019.2.645.
13. Раскин Д. И. Пенсионная реформа Николая I / Д. И. Раскин // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2020. — Т. 58, № 4. — С. 2485—2494. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485.
14. Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2007. — 464 с.
15. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1999. — 479 с.
16. Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials /M. Raeff // Harvard Slavic Studies. — 1957. — Vol. IV. — P. 77—91.
17. Heindl W. Josephinische Mandarine: Bürokratie und Beamte in Österreich, Vol. 2. 1848—1914. (Studien zu Politik und Verwaltung, Bd. 107) / W. Heindl. — Vienna : Böhlau, 2013. — 322 s.

MATERIAL RESOURCES

- Code of laws of the Russian Empire.* (1864). Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 15/15. (In Russ.).
- PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—45. 1830—1843. (In Russ.).
- 2PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—55. 1830—1884. (In Russ.).
- 3PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—33. 1885—1917. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. Fund: Memories of the General Meeting and Departments (collection). (In Russ.).
- RBS — Polovtsov, A. A. (ed.). (1896). *Russian biographical dictionary.* Sankt-Peterburg. 25/1. 894 p. (In Russ.).
- Russia 1913. Statistical and documentary reference book.* (1995). Sankt-Peterburg: BLITS. 415 p. (In Russ.).
- VTsUR2 — *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. Central state institutions.* (2001). Sankt-Peterburg: Nauka. 4/2. 260 p. (In Russ.).
- VTsUR3 — *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. Central state institutions.* (2002). Sankt-Peterburg: Nauka. 4/3. 228 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Ananiich, B. V. (2003). Power, entrepreneurship and science in Russia in the late 19th — early 20th centuries: on the history of the development of productive forces. In: *Power and science, scientists and power. 1880s — early 1920s: proceedings of an International scientific Colloquium.* Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 13—25. (In Russ.).
- Bismarck, O. (1940). *Gedanken und Erinnerungen.* Moscow: Sotsekizgiz. 1. 334 p. (In Russ.).
- Dubentsov, B. B. (1976). Attempts to transform the civil service in Russia at the end of the XX century. In: *Problems of Russian history.* Moscow, Leningrad. 1: 202—227. (In Russ.).

- Eroshkin, N. P. (1981). *Feudal autocracy and its political institutions (first half of the 19 century)*. Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).
- Heindl, W. (2013). *Josephinische Mandarine: Bürokratie und Beamte in Österreich. 1848—1914. (Studien zu Politik und Verwaltung, Bd. 107)*. Vienna: Böhlau. 2. 322 s.
- Kozlov, V. P. (ed.). (2005). *The ministerial system in the Russian Empire: to the bicentennial of ministries in Russia*. Moscow: ROSSPEN. 978 p. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2003). Tsarist bureaucracy and the scientific community at the beginning of the twentieth century: patterns and types of relations. In: *Power and Science, Scientists and Power. 1880s — early 1920s: Proceedings of the International Scientific Colloquium*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 54—71. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2004). *The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914—1917)*. Ryazan'. 472 p. (In Russ.).
- Loranskiy, A. M. (1900). *A brief historical outline of the administrative institutions of the Mining Department in Russia. 1700—1900*. Sankt-Peterburg. 207 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2006). The failed reform of healthcare management in Russia. *Questions of history, 4*: 149—154. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2019). Nikolay I and the State Council: first steps. *Bylye gody, 52 (2)*: 645—654. DOI: 10.13187/bg.2019.2.645. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2020). Pension reform of Nikolai I. *Bylye gody [Years of old], 58 (4)*: 2485—2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485. (In Russ.).
- Shepelev, L. E. (1999). *The official world of Russia: 18th — early 20th century*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 479 p. (In Russ.).
- Shepelev, L. E. (2007). *The apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nikolai I*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. 464 p. (In Russ.).
- Raeff, M. (1957). The Russian Autocracy and its Officials. *Harvard Slavic Studies, IV*: 77—91.
- Vitte, S. Yu. (2003). *Memories. Stories in verbatim record*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 1. 522 p. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl. 299 p. (In Russ.).